

Р. Х. Шарьяфетдинов

СЕМАНТИКА РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО МОТИВА МОЛИТВЫ/МОЛЬБЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантики религиозно-мифологического мотива Молитвы/Мольбы в современной татарской литературе (конца XX – начала XXI века) на татарском и русском языках как отражения верований тюркских народов в целом и татар в частности. В центре исследования находится мифопоэтика произведений современных авторов (М. Магдеев, Р. Мухамадиев, Ф. Гильми, М. Валеев, Н. Гиматдинова, Ф. Байрамова), продолжающих традицию обращения к религиозным мотивам и образам в творческом наследии классической татарской литературы (Кул Гали, С. Сарай, Мухаммедьяр, Г. Тукай, Г. Исхаки и др.). Своеобразие современного обращения к мотивам Молитвы и Мольбы представляется не только в изображении религиозной обрядовой практики («намаз», «дуа», «салават», «зикр», «никях» и др.), но и в выражении различных чувств, эмоций и состояний человека (надежда, восхищение, хвальба, благодарность, покаяние и др.). Кроме того, мифологический мотив Молитвы – важный, обогащающий художественное произведение элемент как изображения культурно-религиозной жизни народа, его истории, так и исторической памяти, связи поколений. Результаты проведенного анализа применимы в теоретических работах по религиозной символике в словесности, а также во время учебных занятий при изучении системы образов художественного текста.

Ключевые слова: *татарская литература, народы России, культура, мотив, молитва, миф*

R. Kh. Sharyafetdinov

SEMANTICS OF RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL MOTIF OF PRAYER/SUPPLICATION IN MODERN TATAR LITERATURE

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the semantics of the religious and mythological motif of prayer/supplication in modern Tatar literature (the end of the 20th century – beginning of the 21st century) in Tatar and Russian as the reflection of the beliefs of the Turkic peoples in general and the Tatars in particular. The research focuses on the mythopoetics of the works of modern authors (M. Magdeev, R. Mukhamadiev, F. Gilmi, M. Valeev, N. Gimatdinova, F. Bayramov), who continue the tradition of addressing religious motifs and images in the creative heritage of classical Tatar literature (Kul Gali, S. Sarai, Mukhammedyar, etc.). The peculiarity of the modern appeal to the motifs of Prayer and Supplication is represented not only in the depiction of religious ritual practice (“namaz”, “dua”, “salavat”, “zikr”, “nikyah”, etc.), but also in the expression of various feelings, emotions and human states (hope, admiration, praise, gratitude, repentance, etc.). In addition, the mythological motif of Prayer is an important, enriching element of both the image of the cultural and religious life of the people, its history, and historical memory, the connection of generations. The results of the analysis are applicable in theoretical works on religious symbolism in literature, as well as during training sessions when studying the system of images of a literary text.

Keywords: *Tatar literature, peoples of Russia, culture, motif, prayer, myth*

Введение. Национальная культура в целом и татарская литература в частности восходит к мифологическим и религиозным традициям, опирается на них, а авторы используют в своих произведениях накопленный опыт отражения мифа. Так, в татарском литературоведении, накопившем значительный опыт изучения мифа и обозначившимся исследованиями многих ученых (К. Султанов [22], Г. Гильманов, Х. Ярми, Ю. Нигматуллина, Р. Ганиева, Д. Загидуллина [9], [10], В. Аминова [2], А. Набиуллина, А. Галимуллина [13], Н. Юсупова, Э. Нугманова, Ф. Валиуллина, Д. Агзамова, Ф. Урманчеев, Р. Харрасова, Л. Давлетшина и др.), миф определяется богатым источником сюжетов, образов и мотивов, предполагающим выход текста на мегаисторический уровень. Миф и мифологическое авторство обнаруживается на всех этапах развития татарской словесности: в фольклоре, эпосе, религиозной литературе Средневековья и т. д. В контексте нашего исследования особо важно широкое обращение к константам мифологического мирозерцания в татарских произведениях конца XX – начала XXI века. Цель исследования – анализ символики религиозно-мифологических мотивов Молитвы и Мольбы в произведениях литературы на татарском и русском языках на современном этапе ее развития.

Актуальность исследуемой проблемы. В Республике Татарстан 2021 год был объявлен Годом родных языков и народного единства, в связи с чем вопросы изучения современного татарского языка и татарской литературы весьма актуальны. В нашем исследовании мы рассматриваем отображение в современной татарской литературе традиционных для культуры тюркских народов мотивов религиозной Молитвы и Мольбы как отголосков сохранившихся древних элементов мусульманских верований.

Материал и методы исследования. Материалом исследования выступают произведения современной татарской прозы на татарском (М. Магдеев, Р. Зайдулла, Н. Гиматдинова, Ф. Гильми, Ф. Хусни, Р. Мухамадиев, М. Валеев и др.) и русском языках (И. Абузяров, Ш. Идиатуллин, Г. Яхина и др.). В ходе исследования применялись аналитический, текстологический, сравнительно-сопоставительный и другие методы в сочетании с культурологическим и этнографическим подходами, что адекватно междисциплинарному характеру работы.

Результаты исследования и их обсуждение. Мифологический мотив Слова занимает центральное место в религиозных системах и национальных культурах, где определяется в возможности познать мир и достичь божественного (потустороннего), признается тайной действенной силой и наделяется священной ценностью. Родное слово, являющееся основным средством отображения глубоких знаний об истории, накопления и распространения информации, наделено в национальной культуре магической сущностью и силой и рассматривается в неразрывной связи прошлого, настоящей действительности и жизни и будущего.

В целом мифологический мотив Слова в национальной культуре тюркских народов используется в религиозных обрядах и ритуалах и приобретает различные значения: молитвы (мольбы), связи с прошлым человека и истории народа, моделирования будущего и т. д. С верой в силу слова были связаны многие календарные обрядовые песни, сходы, свадебные обряды и др., словами заговоров и заклинаний, основу которых составляют «такие древние формы мышления, как магия, анимизм, антропоморфизм, фитишизм» [4, с. 37], пытались облегчить жизнь. Несмотря на принятие ислама, в фольклоре, бытовой практике, произведениях татарской литературы сохраняются традиционные для татарской культуры мифологические значения Слова: *заговор* – вера в магическую *целительную* силу слова знахарок (Р. Зайдулла) и *вредоносную* силу некоторых людей (Н. Исанбет, К. Сибгатуллин, Ф. Бурнаш, М. Магдеев); *обещание и клятва* – внимательное и ответственное отношение к ним (Н. Исанбет, М. Джалиль, Р. Зайдулла); *завещание* (произведения К. Гали, Г. Утыз Имяни, М. Джалиля); *заклинание* (К. Насыри). С помощью словесных формулировок моделируется будущее человека, выражающееся во внимании к имени, связи с предками,

особых формулировках приветствий и благопожеланий (Г. Баширов, М. Магдеев, Ф. Хусни, В. Имамов, Х. Расих, М. Хабибуллин и др.).

В данном контексте, начиная с обозначенного момента и до современности, немаловажную непреходящую роль в системе духовной жизни татарского народа занимают мотивы Молитвы и Мольбы. Под Молитвой мы подразумеваем каноническую ритуальную молитву, включающую в себя совершение в строго определенном порядке телодвижений, прочтение кратких молитвенных формул и аятов из Корана. Мольба – это произвольное обращение человека к Аллаху, не имеющее условий определенного времени, состояния чистоты и т. д., чем и определяется различие этих понятий. Молитва и Мольба, воплощающие в мифологических представлениях контакты с богами, духами, святыми и т. д., а в мусульманской культуре – с Аллахом, находят традиционное отражение во многих произведениях классической татарской литературы (Кул Гали, С. Сараи, Мухаммедьяр и др.), характерны и для произведений XX–XXI веков (Н. Исанбет, Ф. Хусни, Р. Миннуллин, Зульфата, М. Хабибуллина; Л. Шагирджан; Р. Кутуй [11, с. 4], Р. Файзуллин, Х. Аюп, Л. Кашфи [24, с. 575], З. Мансурова [24, с. 445], Г. Баширов, Ш. Бикчурин, М. Магдеев, Р. Зайдулла, Н. Гиматдинова, Р. Мухамадиев, Ш. Идиатуллин, И. Абузяров и др.).

Мотив Молитвы, являющийся в татарской культуре неотъемлемой частью *начала*, находит отражение во многих произведениях. Утверждается важность чтения молитвы как в *религиозных обрядах* («Откашлявшись, как положено, мулла Садык гнусавым голосом принялся читать никях – венчальную молитву, но только он успел произнести «агузбисмилля», как на дворе раздался конский топот и звон бубенцов» [25, с. 145]), так и перед *ежедневными делами* (в повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду...» (2019): «Я, слава Всевышнему, намаз читаю. Когда готовлю еду, обязательно бисмиллу говорю» [19, с. 63]). Кроме того, обозначается важность молитвы для будущего *результата*: «В этом городе хлеб через десять пар рук проходит. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них скажет «бисмилла»? А ведь скверна проникает в человека и через хлеб» [19, с. 56]). В произведении Ф. Гильми «Когда восходит солнце...» (2012), молитва – начало *пути* героев: «прошептав молитву, вновь расселись по телегам» (пер. Г. Хасановой. – *Р. III.*) [18, с. 5].

В историческом рассказе Р. Зайдуллы «Тимер Буга» (1995) текст мусульманской молитвы приводится в арабской транскрипции, в рассказе «Ильбек» (2004) изображается картина молитвы («дога») собравшихся мусульман в начале *встречи*, в рассказе «Шах-Али» (1993) прибывший к князю Василию III главный герой, хан Шах Али, «по привычке начал читать молитву, но, [...смутившись...] не дочитал суру до конца, смешался и торопливо провел руками по лицу, завершая обряд» [12, с. 326].

В романе Р. Мухамадиева «Мост над адом» (1996) словами молитвы, Корана начинается Первый Всероссийский мусульманский съезд, «благословляя посланцев разных народов, освящая высокое собрание» [17, с. 68–69]. К словам молитвы обращаются герои *при входе в дом*: «Когда бабушке Бикэ приходится в татарский дом заглянуть, уже перешагивая через порог, она бормочет что-то вроде “Бисмиллы”» [5, с. 132]) или «бисмилла иррахман» («Слава богу, все как положено, по-мусульмански... Бисмилла иррахман» [7, с. 186]).

Мотив Мольбы в татарской литературе раскрывается в многочисленных обращениях к имени Аллаха, выражая различные значения. Так, мольба в первую очередь представляется *просьбой* («Взлететь бы мне птицей...») жены за своего мужа: «О, Аллах, умоляю – дай ему здоровья и долголетия. Все в твоей власти...» [16, с. 193]).

Кроме того, различными словесными формулировками не только определяется вера («Ля илахи илля Ллахи» (араб. «нет божества, кроме Аллаха»): («Ля-илахи-иль-алла! – произнес дервиш, ускоряя шаг» [8, с. 5]), но и выражаются различного рода чувства и эмоции. Так, словами «Алла бирса» (тат. «Если даст Аллах»), «Ин ша Алла» (араб. «если Бог позволит, благословит») обозначается *надежда* человека («Но в последнее время

слова «Алла боерса» Асия из памяти не выпускает, все время на языке теплятся» [15, с. 97]; «– Иншалла, – машинально пробормотал он, – на все твоя воля, господи» [8, с. 5] и др.). *Формулировка «Субхан Аллах»* (араб. «Преславлен Аллах») передает *восхищение*: «Упав на колени и воздев руки к небу, Габдельбарый-абзый попытался вспомнить слова молитвы: Субхан алла, субхан алла...» [3, с. 326]. Обращением к имени Аллаха обозначается передача *хвальбы, восхваления* «Аллага шокер» или «Аллаху акбар» (араб. «Аллах велик»): «Ты же в емкости воду упрячешь, пропадай тогда все сто сорок ульев, аллах акбар! – старик провел рукой по бороде, как это делают во время молитвы» [6, с. 396]; *изумления, растерянности* «эстагфирулла» («– Эстагфирулла! Он разве все еще есть на свете?!» [20, с. 297]) или *благодарности и благословения*. Словами мольбы передается *клятва* или *подтверждение правдивости* («Валлахи»): «Когда Гирей узнают, что он стал казанским ханом, они лопнут, валлахи» (пер. Г. Хасановой. – *Р.Ш*) [18, с. 76], [25, с. 108] и др., а также могут обозначаться *тяжести и трудности* («уф-алла»): в рассказе М. Магдеева «Жертва искусства» (1992) «уф-алла» обозначает тяжелую работу, а в произведении А. Хасанова «Тайна старого духа» (2016) так называется тяжелая тележка для сбора веток в лесу [18, с. 28, 46].

Кроме того, традиционными обращениями к имени Аллаха являются формулировки, выражающие: *покаяние, раскаяние* (Г. Исхаки, Тукай, Ф. Бурнаш и др.); *помянутие Бога («Зикр»)* (Х. А. Ясеви, С. Бакыргани, Кул Шариф, Г. Исхаки, Г. Тукай); *восхваление пророка («Салавата»)* (С. Сарай, Г. Исхаки и др.).

В произведениях авторами нередко оговариваются и частные аспекты обращения человека к молитве, ее *обрядовая практика*. В рассказе Р. Зайдуллы «Домовой» (2001) отмечается желательное чтение красивым, музыкальным голосом («Голос хороший, но нет мелодики, – подумал художник. – Чтобы читать Коран, нужно иметь музыкальный слух» [18, с. 145]). Правильно и красиво прочитанная молитва ошеломляет главного героя рассказа Р. Зайдуллы «Сова под дождем» (2005): «Женщина достала откуда-то молитвенный коврик, расстелила его, опустилась на колени и пронзительным голосом заговорила: “Господи, вознамерилась прочесть предвечернюю молитву, обратившись лицом в сторону Кыблы, “халисан лилляхи Тагаля...” Откуда в этом тщедушном теле такой голос? Наконец ко мне вернулась способность двигаться, и я, желая поскорее проглотить тревожный студень, застрявший у меня в горле, поспешил на воздух» [18, с. 158]. В современных произведениях авторы также демонстрируют знания жизненных моментов, когда именно человек обращается к Мольбе/Молитве: в произведении Мударриса Валеева «Пока не вернешься на землю» (2017) отмечается: «Когда дело совсем уж худо [в данном случае о приближении смерти близкого человека], беспомощны и взрослые – укрепляется в них вера в молитвы и заговоры, и вот кто-то роняет: светлой, мол, ночью Аллах лучше слышит мольбы ребенка, и, совсем позабыв о твоем присутствии, чувствую, что бабушкина смерть уже входит в дом, переговариваются полущепотом» [23, с. 38]. В моменты тревоги и беспокойства к молитве обращаются герои произведения Ф. Гильми «Когда восходит солнце...» (2012): «Йа Рабби, сохрани, Всевышний, от дурного глаза, страданий, болезней... Господи, не оставь милостью свое преданных тебе...» (пер. Г. Хасановой. – *Р. Ш*.) [18, с. 12]. В рассказе Р. Зайдуллы «Старик в белой епанче» (2014) автором также подчеркивается, что человек обращается к молитве лишь в беспокойные, трудные времена его жизни, «когда дела заходят в тупик» [19, с. 147]. Выполнение молитвы возможно и в случаях радостного события или новости: в произведении М. Магдеева «Из полузабытых записок» (2019) мама героя говорит: «Ты бы видел, как она обрадовалась! Тут же расстелила свой молитвенный коврик...» [19, с. 287].

В рассказе Р. Валеева «Губайдия» (2000) мотив Молитвы приобретает значение *защиты*: братья героини рассказа, Фатимы, «Галей и Валей, оба охраненные молитвами

матери, вернулись с фронта» [21, с. 113]. В повести «Грустить не буду...» (2019) Н. Гиматдиновой Молитва – это и средство *избавления от болезней и пороков*: «Если бы ты благодарила Аллаха, читала молитвы, может, избавилась бы от этой своей болезни – жадности» [19, с. 80].

Традиционные ритуальные действия, черты религиозного воспитания татарского народа описываются в повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду...» (2019): герой повести, молодой человек Эдуард, которого обучили бабушка и дедушка («читавшие старые книги», «сказал, проведя по лицу, словно читал молитву» [19, с. 74]), отказывается от общения с богатой, но сквернословной девушкой Гульнарой, учит татарский язык и старается общаться с ней и т. д. К молитве в качестве *знания*, приобретенного от старшего поколения («может ... молитвы [у них] с младенчества в памяти сидели, а бабушка-ласточка лишь подтянула эту полочку поближе» [14, с. 590]), и защиты от внешних враждебных сил обращаются герои дилогии «Убыр» Ш. Идиатуллина (2012). Герой произведения, мальчик Наиль, в качестве защитника общается со старшим поколением на татарском языке, который, приобретая магическую, сопоставимую с молитвенной, символику, в тексте произведения отличается от основного текста и приводится в латинской транскрипции. Мотив молитвы также использован в изображении младшей сестры героя, Дильки, которая «свела ладони на уровне груди и что-то шептала, не отрывая от меня глаз. Молитесь» [14, с. 581]. Здесь герои произведения обращаются в самые опасные моменты: звук молитвы ощущается главным героем, как «звон прокатился... как по тесной комнате, оглушая, но и освежая, и махом вытеснил напавшую дурь» [14, с. 582–583].

Часто религиозные мотивы в общем и Молитвы в частности используются также в изображении и попытках переосмысления трагических событий истории. Так, в романе Ф. Байрамовой «Последний намаз» (2005), посвященном событиям перестроечного периода, изображение хаоса доводится до критической точки «невозврата» (Д. Ф. Загидуллина), а решение автор находит в вере, религии, которая дает надежду на восстановление справедливости, обретение верных путей для нации, общества, государства, страны. В романе А. Гилязова «Давайте помолимся» (1993), названном автором «романом-воспоминанием», молитва расширяется от личностного до *покаяния* на идеологическом уровне, в государственном масштабе. Заложённая в названии авторская позиция заключается в призыве помолиться о невинных жертвах и будущем страны.

Особый научный интерес представляют обращения к мотиву Молитвы не только в произведениях на татарском, что обусловливается обозначенным влиянием арабо-персидской мусульманской культуры, и насыщенный заимствованиями язык приобретает символику сокровища, изучение родного языка наделяется религиозной символикой, сравнивается с заучиванием «молитвы» (пер. С. Малышева. – *Р. III.*) [23, с. 229], но и в литературе на русском языке (И. Абузяров, Ш. Идиатуллин, Г. Яхина и др.). Так, в частности, мусульманская молитва «Во имя Бога, милостивого и милосердного» находит отражение в рассказе И. Абузярова «Книга книг», посвященном вневременному значению Священных Писаний в жизни человечества.

Традиционная мусульманская молитва, словами которой начинаются любые дела, находит свое отражение в произведении И. Абузярова «Курбан-роман» (2009): «Во имя Бога милостивого и милосердного... Ряблям (пер. с тат. «Боже»), прими эту несчастную жертву» [1, с. 17]. Автор изображает низкий уровень религиозных знаний у молодежи, которая желала осуществить религиозный обряд, но абсолютно не имела практики его осуществления. Кроме того, современная татарская литература не оставляет философские размышления о необходимости и важности осуществления религиозно-обрядовой практики: «Глядя на него, все думал, как же такая хрупкая конструкция поможет нашей Марысе в случае ее кончины перейти в райские кущи? Как вообще кусок парного мяса

с выступающими позвонками может умиловать Всевышнего? Упросить Его поддержать человеческую жизнь на мостике бытия?» [1, с. 19].

Родители героини повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду» (2019) «совершая молитву, оба в конце обычно добавляли: «Благодарим тебя, Всевышний, за то, что есть» [19, с. 40]; «– Мама, надо бы раздать садаку [милостыню]. Внушила-таки покойная мать своему внуку уважение к религии! – Они эти деньги все равно пропьют, сынок. – Но, мама, там есть и старушки! Одна – как наша бабушка, молитвы читает» [19, с. 44]. В повести уточняется, что Бог «слышит молитву каждого – и твою, и мою, и птиц, и насекомых. Лишь бы Господь не оставил человека наедине с самим собой. Даже на полминуты. Ведь без Бога человек может натворить разных грехов. Что будет, если мать оставит малое дитя одного? Ребенок или в огонь руку сунет, или упадет и ушибется...» [19, с. 63]. В данном контексте особую значимость приобретает Молитва в значении памяти, связи и поминания предков и родителей. Молитва здесь представляется долгом человека перед родственниками, в первую очередь перед родителями: «А ты на кладбище у родителей давно был?» [1, с. 23] – задает вопрос один их героев произведения И. Абузярова «Курбан-роман» (2009). При этом автор, подчеркивая неразрывную связь между ребенком и ушедшими родителями, изображает умерших людей в виде ангелов: «Я лежал в коме, когда я уже был по ту сторону этого глупого бессмысленного мира, те два ангела спускались ко мне... чтобы помочь мне пройти по тонкому, как нерв, как натянутая скрипучая струна, и остроуму, как лезвие сабли, мосту на ту сторону реки...» [1, с. 49].

Выводы. Таким образом, обращение к традиционному в классической татарской литературе мотиву Молитвы в современной литературе представляется важным элементом не только культурно-религиозной жизни татарского народа, но и элементом художественного обогащения, литературного произведения. Мифологизм мотивов Молитвы/Мольбы, традиционно в национальной культуре наделяющийся значением влияния на жизнь человека и его будущее и определяющийся соответствующим вниманием и ответственностью к словам, представлен в обращениях к Богу в значениях просьбы, раскаяния, надежды, восхваления, клятвы и др. Традиционные для татарской литературы значения мотива Молитвы (неотъемлемая часть начала дела, пути, встречи, входа, защиты и избавления от болезней и пороков и т. д.) широко представлены в произведениях современной татарской литературы. Кроме того, религиозные знания в общем и молитва в частности приобретают в татарской литературе значения драгоценности, знания, переданного от родителей, и тем самым определяется связь поколений, исторической памяти и ответственности за свои слова и поступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абузяров И.* Концерт для скрипки и ножа в двух частях : сб. / Ильдар Абузяров. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 480 с.
2. *Аmineва В. Р., Набиуллина А. Н.* Транскультурная литература: вопросы теории и методологии изучения // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы : круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., г. Казань) : сб. ст. – Вып. 1 / сост. А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. – Казань : ИЯЛИ, 2019. – 240 с.
3. *Бакиров М.* Татарский фольклор. – Казань : Ихлас, 2012. – 399 с.
4. *Баширов Г.* Родимый край – зеленая моя колыбель. – М. : Сов. писатель, 1975. – 203 с.
5. *Баширов Г.* Семь родников. – М. : Современник, 1986. – 398 с.
6. *Бикчурин Ш.* Твердая порода. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1982. – 253 с.
7. *Валеев Р.* Заботы света. – М. : Сов. писатель, 1986. – 390 с.
8. *Газизова Л.* Равновеликие стихи. О русских поэтах татарского происхождения: от Державина до Бухарсава // Литературная газета. – 2020. – № 24 (6741). – 17–23 июня. – С. 4.

9. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX – нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). – Казань : ИЯЛИ, 2020. – 256 с.
10. Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. – 286 с.
11. Зайдулла Р. Р. Меч Тенгри : рассказы, повести, эссе, заметки : пер. с татар.; авт. предисл. А. Мушинский. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2016. – 671 с.
12. Идиатуллин Ш. Убыр: Диалогия : романы. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус. – 2018. – 608 с.
13. Культурные коды в татарской и русской литературах второй половины XX века / А. Ф. Галимуллина, Ф. Г. Галимуллин, Г. Р. Гайнуллина, Л. Р. Фаезова. – Казань : РИЦ «Школа», 2020. – 260 с.
14. Магдеев М. Песни остаются : роман, повести. – М. : Современник, 1988. – 399 с.
15. Мухамадиев Р. С. Взлететь бы мне птицей... : роман. – М. : Голос-Пресс, 2008. – 237 с.
16. Мухамадиев Р. С. Мост над адом : роман. – М. : Голос, 1996. – 527 с.
17. Мухамадиев Р. С. Ранняя осень в деревне. – М. : Современ. писатель, 1993. – 460 с.
18. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – 301 с.
19. Проза татарских писателей. С востока свет : повесть, рассказы, эссе. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. – 335 с.
20. Расих А. Ямашев. – Казань : Татар. кн. изд-во. 1982. – 448 с.
21. Современная литература народов России. – Т. 2. Книга первая. Проза. – М. : Независимое изд-во «Пик», 2003. – 480 с.
22. Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М. : ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.
23. Татарская литература без границ / сост. А. Мушинский, Л. Шаех. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2017. – 463 с.
24. Татарская поэзия / сост. Л. Р. Газизова и др. – М. : ООО МАГИ Из века в век, 2012. – 701 с. – (Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки)
25. Хусни Ф. Повесть о веселом старике : повести. – М. : Советский писатель, 1985. – 304 с.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021

REFERENCES

1. Abuzyarov I. Koncert dlya skriпки i nozha v dvuh chastyah : sb. / Il'dar Abuzyarov. – М. : Izd-vo «Е», 2017. – 480 s.
2. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Transkul'turnaya literatura: voprosy teorii i metodologii izucheniya // Nacional'nye literatury na sovremennom etape: nauchnye koncepcii i gipotezy : kruglyj stol, posvyashchennyj 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan (11 sentyabrya 2019 g., g. Kazan') : sb. st. – Vyp. 1 / sost. A. F. Ganieva, F. H. Minnulina, L. R. Nadyrshina. – Kazan' : IYaLI, 2019. – 240 s.
3. Bakirov M. Tatarskij fol'klor. – Kazan' : Ihlas, 2012. – 399 s.
4. Bashirov G. Rodimyj kraj – zelenaya moya kolybel'. – М. : Sov. pisatel', 1975. – 203 s.
5. Bashirov G. Sem' rodnikov. – М. : Sovremennik, 1986. – 398 s.
6. Bikchurin Sh. Tverdaya poroda. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 1982. – 253 s.
7. Valeev R. Zaboty sveta. – М. : Sov. pisatel', 1986. – 390 s.
8. Gazizova L. Ravnovelikie stihy. O russkih poetah tatarskogo proiskhozhdeniya: ot Derzhavina do Buhaeva // Literaturnaya gazeta. – 2020. – № 24 (6741). – 17–23 iyunya. – S. 4.
9. Zagidullina D. F. Tatarskaya literatura XX – nach. XXI v.: «myagkost'» modernizma-avangarda-postmodernizma (k postanovke problemy). – Kazan' : IYaLI, 2020. – 256 s.
10. Zagidullina D. F. Tatarskaya poeziya i proza rubezha XX–XXI vekov: esticheskie orientiry i hudozhestvennye poiski. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2019. – 286 s.
11. Zajdulla R. R. Mech Tengri : rassказы, povesti, esse, zametki : per. s tatar.; avt. predisl. A. Mushinskij. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2016. – 671 s.
12. Idiatullin Sh. Ubyr: Dilogiya : romany. – SPb. : Azbuka : Azbuka-Attikus. – 2018. – 608 s.
13. Kul'turnye kody v tatarskoj i russkoj literaturah vtoroj poloviny XX veka / A. F. Galimullina, F. G. Galimullin, G. R. Gajnullina, L. R. Faezova. – Kazan' : RIC «Shkola», 2020. – 260 s.
14. Magdееv M. Pесni ostayutsya : roman, povesti. – М. : Sovremennik, 1988. – 399 s.
15. Muhamadiev R. S. Vzletet' by mne pticej... : roman. – М. : Golos-Press, 2008. – 237 s.
16. Muhamadiev R. S. Most nad adom : roman. – М. : Golos, 1996. – 527 s.
17. Muhamadiev R. S. Rannaya osen' v derevne. – М. : Sovrem. pisatel', 1993. – 460 s.

18. Poludennyj zakat: Sovremennaya proza tatarskih pisatelej. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2006. – 301 s.
19. Proza tatarskih pisatelej. S vostoka svet : povest', rassказы, esse. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2019. – 335 s.
20. Rasih A. Yamashev. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo. 1982. – 448 s.
21. Sovremennaya literatura narodov Rossii. – T. 2. Kniga pervaya. Proza. – M. : Nezavisimoe izd-vo «Pik», 2003. – 480 s.
22. Sultanov K. K. Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyj aspekt. – M. : IMLI RAN, 2019. – 352 s.
23. Tatarskaya literatura bez granic / sost. A. Mushinskij, L. Shaekh. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2017. – 463 s.
24. Tatarskaya poeziya / sost. L. R. Gazizova i dr. – M. : OOO MAGI Iz veka v vek, 2012. – 701 s. – (Iz veka v vek. Poeziya narodov kirillicheskoj azbukii)
25. Husni F. Povest' o veselom starike : povesti. – M. : Sovetskij pisatel', 1985. – 304 s.

The article was contributed on November 8, 2021

Сведения об авторе

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2311-3820>, rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Author information

Sharyafetdinov, Ramil Khaydyarovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature of the 20th–21st Centuries, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2311-3820>, rkh.sharyafetdinov@mpgu.su